

На грани безумия

Дж.К.Гейтсбери

16+

Джеймс Кэмирон Гейтсбери

На грани безумия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51385751

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07433-0

Аннотация

Пройдя жестокие испытания детства, девушка-сирота попадает в дом, где сталкивается с человеком, способности которого удивляют и шокируют её. То, что он представляет собой находится за гранью разума.

Содержание

Глава I	4
Глава II	8
Глава III	13
Глава IV	22
Глава V	29
Глава VI	37
Глава VII	50
Глава VIII	60
Глава IX	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава I

Охваченные дрожью, холодным дождливым вечером мы наконец-то вернулись домой. Мои озябшие синие пальцы стали согреваться, и я подумала: «Как приятно ощутить это долгожданное пленительное тепло».

Мой взгляд невольно остановился на окне, за которым со свирепствующей, надрывной силой бил в дребезжащие тонкие стёкла сильный ветер. На мгновение я притихла, прислушиваясь к его неугомонному шуму. Но тут, как гром среди ясного неба, меня заставил очнуться злой свербящий голос. Моё сердце в этот момент сжалось от ужаса.

– Противная, мерзкая девчонка. Долго ты ещё будешь там возиться? Быстро иди за стол!

Я медленно, с трудом преодолевая внутреннее волнение, как на каторгу, поплелась в гостиную. Тётя Эрна, пожилая и высокая, нескладного телосложения черноволосая женщина с крупными грубыми чертами лица и смотрящими из-под густых насупленных черных бровей ядовитыми маленькими глазками, пробуравила меня своим испепеляющим холодным надменным взглядом, когда я подошла к ней. Движением морщинистой крупной руки она указала мне на стул, и я, повинувшись, молча села. Сейчас мне казалось, что меня пригвоздили к этому стулу, я чувствовала себя замкнутой и безжизненной и ожидала в следующую минуту чего-то

безысходного и невыносимого. К сожалению, мои внутренние ощущения оправдались. Тётя Эрна поставила передо мной большую тарелку горячего супа.

– Ешь, – отрывисто бросила она в мою сторону, хотя её холодные жёсткие глаза даже не соизволили взглянуть на меня. Я ожидала, что одно моё неправильное движение сейчас же вызовет у неё взрыв эмоций и бурю негодования. Каждый раз, когда мама задерживалась на работе, либо по каким-то еще причинам, ей приходилось оставлять меня с этой злой женщиной, и мне казалось, что в ее присутствии в жилах стынет кровь от ужаса: мое хладнокровие на нее не распространялось. Еще не было ни одного случая, чтобы при ней я не испытывала бы физическую или душевную муку или, хуже того, неотвратимое унижение.

Вот уже несколько месяцев мы с мамой снимали жильё у этой пожилой женщины, после того как мой отец однажды не вернулся из поездки по работе. Как нам сообщили, он погиб в автокатастрофе. До этого мы жили в большом роскошном доме, который арендовал для нас отец, после его гибели мы оказались на улице. Судьба свела нас с тётёй Эрной, оставаться наедине с которой было для меня сущим адом.

– Ну, долго я буду ждать? Ешь, я сказала, и иди к себе в комнату, – услышала я жёсткий голос, который заставил меня прийти в себя. Я машинально потянулась за ложкой.

– Рукава... – отрывисто сказала она. Я вздрогнула от её резкого указания.

– Не ставь локти на стол, – продолжала она. Я молча наклонилась над тарелкой, словно пытаюсь таким образом отгородиться от всего мира и в первую очередь от неё.

– Выпрями спину, – не унималась она.

– Я сказала, сядь прямо, – закричала она.

Я невольно еще больше ссутулилась, пытаюсь защититься. Увидев, что я не реагирую на её замечания, она окончательно вышла из себя. В следующую минуту она, сильно размахнувшись, ребром своей грубой ладони ударила меня по спине. Я механически выпрямилась, почувствовав щемящую боль в области позвоночника, которая потянула меня назад. Есть я больше не могла, потому как внутри меня все сжалось в нервный комок.

– Что? – снова закричала она. Я видела, как её ноздри расширяются от злости, а тонкая нижняя губа нервно трясется от возмущения.

– Ты... решила устроить мне бойкот? Этого еще не хватало. Терпеть здесь каких-то выродков. А ну, быстро ешь и убирайся к себе, и чтобы глаза мои здесь тебя больше не видели! – воскликнула она.

Я пыталась себя пересилить, всё ещё терпя боль в спине, и поесть, но тщетно. Я не могла справиться со своими чувствами.

– Ешь, я сказала, – крикнула она в очередной раз и от несдержанности толкнула на меня тарелку. Тарелка тут же опрокинулась, и горячий суп вылился мне на колени. Я по-

чувствовала, как мои ноги обжигает острая боль. Возможно, другой бы ребёнок на моём месте в этот момент закричал либо громко заплакал. Но я привыкла усилием воли подавлять в себе боль и эти чувства, тем более что это было не в первый раз. Лишь сквозь слёзы, которые сейчас застыли в моих глазах, я молча посмотрела на неё. На мгновение она замолкла, вытаращив на меня свои злобные тёмные глаза.

Уже у себя в комнате я медленно сняла колготки и увидела, что мои колени сильно покраснели, а в некоторых местах начали покрываться волдырями. Боль была невыносимой, сильно жгло. Потом я вспомнила, что должна прийти мама, поэтому осторожно надела колготки снова.

Мне не хотелось, чтобы она узнала о произошедшем, тем более что тётя Эрна не раз обещала мне, что если я пожалуюсь матери, то она немедленно выгонит нас на улицу.

Глава II

Иногда в тётё Эрне, как ни странно, всё же просыпались маленькие лучики некой доброты, но, увы, ненадолго, так как укоренившиеся и, казалось, глубоко вросшие в неё корни зла брали верх, пробуждая всё тот же деспотический и жестокий характер.

И в этом я имела возможность убедиться, и не раз.

Недалеко от нас, в соседском доме, жила тихая застенчивая девочка с большими карими глазами и короткими тёмно-русыми волосами. Девочка была примерно моего возраста. Она имела привычку нервно подёргивать плечами, если её вдруг что-то пугало или вызывало сильное волнение. Мы познакомились с ней в парке, расположенном недалеко от нашего дома, где мы любили подолгу сидеть и беседовать. Парк напоминал собой цветущий и благоухающий сад или сквер, где рядом со старинными металлическими скамейками цвели большие кусты роз, которые обвивали скамейки, цепляясь со всех сторон за их спинки. Девочку звали Элла. После нашего знакомства она почти каждый раз, выходя на прогулку, заходила за мной, приглашая меня погулять с ней. Шло время, приближались рождественские праздники. В эти дни Элли словно подменили: обычно тихая и скромная, казалось, она проснулась от долгого сна и неожиданно превратилась в весёлую и озорную девочку. Меня удивили

столь странные перемены в ее характере, но позже Элла рассказала мне о причине своего неугомонного веселья. Как оказалось, к ним приехала её горячо любимая тётя, и она намерена задержаться у них на все рождественские каникулы.

Элла в подробностях описала мне все подарки, привезённые для нее тётей. На следующий день утром Элла прибежала ко мне, чтобы рассказать мне все новости, произошедшие в её доме. Когда мы проходили с ней мимо гостиной, собираясь выйти на прогулку, услышали вдруг у себя за спиной голос:

– Вы уже уходите? И не хотите посмотреть на рождественскую ёлку? Элла удивлённо посмотрела на меня. Я же в этот момент сжала её локоть. Элла не понимала, что происходит, но как я могла ей объяснить, что голос, прозвучавший только что, был голосом тёти Эрны, и что слышать подобное от неё было крайне нелепо, если не сказать абсурдно. Моё сердце бешено забилося в предчувствии новой неотвратимой тревоги. Эрна подошла к нам и тихо, спокойно, что ей было совершенно не свойственно, взяв нас за плечи, повернула к себе. На мгновение яркий свет упал на её фигуру, и мы увидели перед собой элегантно одетую даму в тёмно-синем брючном костюме, из-под которого выглядывали белоснежная, с длинным воротом на мелких, как бусинки, перламутровых пуговицах блузка, а на длинной морщинистой, как у жабы, шее – бусы из крупного жемчуга. Она слегка улыбнулась, подавшись немного к нам, но её улыбка показалась мне недоб-

рой.

– Прошу вас, – указав нам рукой на гостиную, сказала тётя Эрна и открыла перед нами двери. Как только они распахнулись, мы увидели высокую рождественскую ёлку, роскошную, с пушистыми зелёными ветвями, под самый потолок, украшенную разноцветными гирляндами и большими блестящими шарами. Рядом с ёлкой стоял массивный стол из красного дерева, он был накрыт белой скатертью, на которой стояла небольшая странная вещица, которая тут же привлекла наше с Эллой внимание. Заметив наше любопытство и восторженные взгляды, брошенные на сувенир, тётя Эрна сказала:

– А это рождественский сувенир, его мне прислала из Америки моя хорошая приятельница.

Мы подошли с Эллой поближе к столу, чтобы рассмотреть диковинную вещицу. Рождественский сувенир представлял собой стеклянный снежный шар. Внутри него была небольшая, почти с ладошку, избушка с подсветкой, она была запорошена хлопьями снега, вокруг неё стояли пушистые зелёные ёлки, на фоне которых кружилась искусственная метель. В самом верху висела большая, жёлтая луна, ярко освещающая дорогу к избушке в тёмной ночи. Лёгким движением руки Тётя Эрна взяла диковинный шар и несколько раз встряхнула его. Внутри шара тут же посыпался белый пластмассовый снег, и мы услышали новогоднюю мелодию, исходившую от этого шара.

В этот момент из фойе послышался телефонный звонок, и тётя Эрна ненадолго оставила нас, удалившись из гостиной. Элла тут же потянулась рукой к рождественскому шару и, взяв его, поднесла к своей груди, начала внимательно рассматривать, и я, не удержавшись, присоединилась к ней. Послышались быстро приближающиеся шаги тётя Эрны. Элла испуганно посмотрела в сторону двери и собралась поставить рождественский шар на место, но вдруг от неловкости рук шар выпал из её ладоней и, упав на пол, разбился. Элла от страха вскрикнула. Неприятный запах от разбитого шара разнёсся по комнате и ударил мне в лицо. В это время в комнату вошла тётя Эрна.

– Что это? – воскликнула она. – Что здесь происходит?

Она подошла к разбитой игрушке, затем в ужасе уставилась на нас ядовитыми тёмными глазами.

– Кто это сделал? – закричала она, сверкая уже не видящими от злости глазами.

– Мы хотели только... – попыталась что-то промямлить едва слышным голосом Элла.

– Я спрашиваю, кто это сделал? – кричала тётя Эрна. Элла, испуганно глядя на меня, задёрнула нервно плечами.

– Я, – преодолевая свой внутренний страх и охватившее меня чувство безысходности, глухо ответила я.

– Ах ты, мерзкая девчонка! Даже сегодня ты умудрилась испортить мне настроение!

С этими словами она, размахнувшись, больно ударила ме-

ня по лицу своей крупной рукой. Я покачнулась и, не удержавшись на ногах, упала руками прямо на разбитую игрушку. Я почувствовала, как осколки вонзились в ладони, и увидела, как оттуда быстрой струйкой засочилась кровь. Послышался крик Эллы, и я взглянула на неё: она вся дрожала и испуганно смотрела на меня. Заметив кровь на моих руках, она выбежала из комнаты.

– Я и подумать не могла, что тётя Эрна может быть таким злым человеком, – сказала в задумчивости Элла, когда мы несколько дней спустя сидели с ней в парке на нашем прежнем месте.

– Да, но мы разбили дорогой ей сувенир, который ей прислали из Америки, – подумав, сказала я.

– Не понимаю, как ты можешь находить оправдание таким людям? – недоуменно посмотрев на меня, сказала дрогнувшим голосом Элла. – Ведь она с такой жестокостью толкнула тебя на разбитые стёкла, причём, как мне показалось, намеренно, потому что хотела сделать тебе больно. Я и представить себе не могла, с каким монстром вы живёте в одном доме. Как ты это всё терпишь? – спросила Элла, тяжело покачав головой и не ожидая ответа.

Глава III

Я всегда задавалась вопросом: что движет людьми? Что движет их поступками? Ответы, которые приходили мне в голову, как правило, были неоднозначны и противоречивы. Даже сейчас, когда размышляю над этой дилеммой, мне нередко приходят на ум воспоминания из моего детства. К сожалению, тётя Эрна, чей образ ярко запечатлелся в моей памяти, была далеко не единственным нашим жизненным испытанием. Появление новой фигуры, как правило, обозначается чем-то непредвиденным и неизвестным. Никогда не знаешь заранее, чего можно ожидать от неизвестного. Часто мы поддаёмся своему внутреннему голосу или порыву, иначе сказать, велению души, и человек, которого мы видим впервые, либо захватывает нас целиком и полностью, заставляя нас проявлять к нему неподдельный, но скрытый интерес, либо, наоборот, не вызывает у нас никакого любопытства, и всё исходит лишь от его внешних проявлений. Мы видим образ, всматриваемся в него, слышим голос человека, зрительно следим за мимикой и жестами. Но порой мы видим лишь то, что хотелось бы тому, за кем мы наблюдаем. Бывает же, наоборот, с виду строгий, вдумчивый и совершенно, на наш взгляд, безликий и неинтересный человек может оказаться по-настоящему искренним и совершенно неординарным для нас, захватив однажды наше внимание. Разве не так?

Довольно взрослый сын тёти Эрны, которому было уже тридцать пять лет, был кем-то вроде своей матери, точнее сказать, внешне на нее походил. Нет, его характер не был таким деспотичным и жестоким, но в нём была скрыта другая неуловимая угроза: как змея, обвивающая свою жертву, он гипнотизировал ее льстиво, обволакивающе, под маской дружелюбия и искренности, а затем больно жалил так, что жертва не успевала опомниться, тем более спастись.

Сын тёти Эрны не удосуживался трудиться и находился на содержании у своей мамочки, которая души не чаяла в своём любимом чаде. Сыночек был довольно высоким, крепкого телосложения, с гладко зачёсанными назад волосами, которые неприятно лоснились от лака, придававшего им жирный и неряшливый вид. Он имел одну скверную, на мой взгляд, привычку – выливать на себя полфлакона дурно пахнущих духов, от чего я нередко закашливалась или чихала, если проходила мимо него. Его маленькие чёрные бегающие глазки, как у его матери, и большие нескладные руки вызывали у меня какое-то странное неприятное чувство. Ещё в первый день, когда мы появились в их доме, его взгляд почему-то задержался на моей маме. Было в этом взгляде что-то ехидное и насмешливое. В последнее время он заходил к нам довольно часто, если учесть, что жил он отдельно и далеко от матери. Как правило, он приходил ближе к вечеру, после шести, в это время мама возвращалась с работы. Под любым предлогом он стучался к нам в комнату и предупре-

дительно и вежливо, поздоровавшись, спрашивал, не нужна ли нам в чем-то помощь, затем, подбирая слова, приглашал маму прогуляться с ним или вместе поужинать, от чего она тут же отказывалась, ссылаясь на дела. Я видела, что мамин отказ вызывал в нем негодование, и он, насупившись и тяжело вздыхая, уходил от нас ни с чем, а однажды я даже заметила, как слова мамы вывели его из себя, и он, в злобе выходя из нашей комнаты, процедил сквозь зубы:

– Ну, ничего. Мы ещё посмотрим...

Несмотря на свой характер, тётя Эрна каждую субботу собирала гостей. Это были люди примерно ее возраста – лет пятидесяти пяти. Среди них были три грузные женщины и двое седовласых, но ещё статных мужчин. Каждый раз их приход сопровождался бурным весельем и шумом. Они собирались в большой гостиной, это была одна из самых уютных и роскошных комнат в этом доме. Два огромных окна во всю комнату были задрапированы темно-синими шторами, из-под которых выглядывал белоснежный тюль, что придавало комнате особый уют. Посередине комнаты находился большой круглый стол, возле него старинные стулья из красного дерева с мягкой кожаной обивкой, и всё это располагалось на цветном персидском ковре, он придавал комнате особое величие. Гости проходили в гостиную и рассаживались на мягкие уютные сиденья, после чего непринуждённо вели громкую беседу, обсуждая политические и общественные новости, что, я замечу, было привилегией мужчин,

а женщины говорили о погоде или о своих знакомых, рассказывая, как им казалось, интересные случаи из их жизни. Их голоса были слышны даже в коридоре. В эту субботу маму снова срочно вызвали в школу, как она мне пояснила, на совещание. Она работала учителем в начальной школе, и мне пришлось в очередной раз остаться с тётёй Эрной. После того как мама ушла, тётя Эрна, быстро покормив меня, сказала, чтобы я отправилась к себе в комнату и сидела там тихо, как мышь, и чтобы даже не смела обращаться к ней с глупыми просьбами и тем самым не отвлекала её от милых ей гостей. Но когда я, уже поев, собралась уходить к себе, то краешком глаза заметила, как тётя Эрна в гостиной на круглом столе, застеленном длинной белой скатертью так, что её края едва касались пола, расставляет какие-то маленькие фигурки, а посередине ставит серый ситцевый мешочек. Это вызвало у меня сильное детское любопытство. Когда ей позвонили по телефону, и она вышла в фойе. Так как её разговор длился долго, а моё любопытство не унималось, я медленно и озираясь по сторонам подошла к столу. Когда голос тётти Эрны доносился особенно громко, я вздрагивала и собиралась вернуться назад, но неуёмный интерес снова толкал меня на безрассудный поступок. И вот, я, подойдя к столу, всякий раз оглядываясь назад, всматриваясь, не идёт ли тётя Эрна, взяла с него деревянные фигурки и начала их рассматривать, совершенно забыв об осторожности. Это были маленькие деревянные бочонки, на которых чёрным шрифтом

были выгравированы крупные цифры: шесть, тринадцать и семь. Заглянув в мешок, я увидела там те же самые деревянные бочонки, большие вытянутые прямоугольные карточки, а на самом мешке надпись «Лото». Неожиданно близко раздался голоса тети Эрны и её гостей, а в следующую минуту я услышала уже их шаги. Меня охватил ужас. Я не знала, что делать, куда спрятаться, но в этот момент открылась дверь, и я от безысходности тут же забралась под этот большой круглый стол, спрятавшись, как мне казалось, под его длинной белой скатертью, свисавшей почти до пола, довольно надёжно. Уже вблизи слышались шум, голоса и звуки пододвигающихся к столу стульев. Затем, как я поняла, началась игра. Она длилась довольно долго. Во всяком случае, мне так показалось, потому как мои ноги онемели от усталости, а руки свело судорогой от того, что я сидела в одном положении, склонившись на корточках. Я вся съёжилась, а со всех сторон мне были видны ноги гостей. Пространство было очень ограничено. Я попыталась шевельнуться, чтобы хоть как-то ослабить напряжённую спину и ноги, и это, как оказалось, было опрометчивым решением, поскольку в этот момент я потеряла равновесие и, покачнувшись, рукой упала на чьи-то ноги. Тут же послышался дикий крик:

– Господи, что это?

После этого медленно приподнялись концы скатерти, и я была застигнута врасплох.

– Ах ты, противная вредная девчонка! Ты всё это время

подсматривала за нами, как ищейка? Бесстыжая! – услышала я злой крик тёти Эрны. В следующую минуту она силком вытащила меня из-под стола, грубо схватив за ворот кофты.

– Какая невоспитанная девочка. Ужас. Её нужно наказать, чтобы ей неповадно было в следующий раз, – услышала я перешёптывания и возмущённые голоса гостей. Я подняла голову и увидела лица двух пожилых женщин. У первой было худощавое треугольное лицо, возмущенно говоря мне что-то, она нервно тряслась. Её большие светлые глаза казались неестественно выпученными. Костлявый длинный указательный палец с большим старинным перстнем злобно грозил перед моим носом, а её тонкая морщинистая шея, казалось, вот-вот выскочит из белого строгого воротничка тёмно-синего длинного платья. Рядом с ней показалось лицо второй пожилой дамы, оно было совершенно противоположным первому: округлые и припухлые щёки в обрамлении лёгкой пышности седых волос, широкие, крупные черты лица, выпирающий вперёд огромный нос. Я уже не видела ни её губ, ни подбородка, только заметила непомерно широкие, неженственные плечи и фигуру, занимающую, как мне показалось в тот момент, большую часть гостиной. К ним присоединился мужчина, более спокойный, хотя и ядовито наблюдающий сквозь прозрачную оправу очков за всем происходящим вокруг. Тётя Эрна незамедлительно последовала их просьбе и, жёстко толкнув меня в плечо, больно сжала мою руку и, как напроказившую собачонку, потащила меня

за большой мрачный шкаф с огромным зеркалом, стоявшим перед входом в гостиную. Какое-то время она за моей спиной шарила по стенным полкам, беспокоило что-то ища среди них, затем подошла ко мне с большой металлической банкой в руках, высыпала передо мной большую горсть крупного гороха и тут же толкнула меня на него. Я упала на горох коленями и почувствовала, как в ногах пульсирует кровь. Тетя Эрна, наклонившись, сквозь зубы прошипела над моим ухом:

– Будешь стоять до тех пор, пока не образумишься и не попросишь у всех прощения.

После этого она, громко отстукивая каждый шаг, удалилась к гостям. Изнурительное ощущение, словно тебе в колени вставили крупные спицы, заставляло меня несколько раз предпринять попытку сойти с гороха. Но тётя Эрна, словно всё это время зорко следящая за мной и прислушивающаяся к моему малейшему движению, грозным голосом грозила мне тем, что сейчас, же подойдёт ко мне и придумает ещё более суровое наказание, чем это. На какое-то мгновение я подняла голову и увидела перед собой зеркало во весь шкаф, а в нем – маленькую беззащитную и хрупкую девочку, которая навела на меня чувство тоски и безысходности. Из отражения на меня тихо и печально большими серыми глазами смотрело бледное худенькое существо с растрепанными длинными волосами цвета пшеницы. Бледное, казалось, фарфоровое личико было словно видением из другого ми-

ра. Неожиданно ко мне подошла тётя Эрна, которую, похоже, насторожило то, что я притихла. Я вздрогнула, когда она прошептала слова, которые показались мне ядовитым шипением приближающейся ко мне, как смерть, змеи:

– А я думаю, что это ты вдруг так притихла? Теперь я понимаю, в чём дело, оказывается, это для тебя не наказание вовсе.

Она грубо оттолкнула меня в сторону и, покопавшись над местом моего наказания, высыпала передо мной две большие горсти крупной соли. Я посмотрела на свои красные колени: они были покрыты свежими царапинами и ссадинами. Тётя Эрна толкнула меня на соль и снова удалилась. Не прошло и получаса, как мои истёртые горохом и до того израненные ноги начала изъедать соль. На этот раз боль была невыносимой. Я думаю, она превосходила все мои внутренние мучения, у меня было ощущение, словно мои колени наживую режут острым лезвием ножа. Я снова подняла голову и всё в том же огромном зеркале увидела, что моё лицо побледнело от боли. Оно стало белым, как полотно. Когда же боль стала совсем нестерпимой, я против своей воли и страха попыталась позвать тётю Эрну.

– Пожалуйста, разрешите мне встать. Я больше не буду.

Я чувствовала, как меня всю начало колотить. Мои руки затряслись.

– Что ты не будешь? – передразнила она меня с надменным, как мне показалось, ехидством в голосе.

– Я больше не буду, – уже сквозь слезы выдохнула я.

– Не слышу, что? – продолжала она издеваться, протяжно проговаривая каждое слово. Похоже, она совсем не собиралась ко мне подходить. Наконец моя боль достигла пика.

– Я... больше... не буду... – едва произнесла я, как меня всю затрясло, и в следующую минуту я потеряла сознание.

Глава IV

Когда я очнулась, то увидела, что нахожусь в своей комнате. Я не думала тогда о том, кто перенёс меня в комнату из гостиной тётки Эрны, но нетрудно догадаться, что здесь не обошлось без нее. Думаю, то, что произошло со мной, в какой-то степени её отрезвило, и она, испугавшись ответственности за меня, попыталась сделать вид, как будто она здесь ни при чём. Я всё ещё не решалась подняться, потому что нечаянные движения ног напомнили мне о том, что произошло накануне. При мысли об этом моё сердце снова нервно сжалось, а к горлу подступил удушающий ком, так, что мне казалось, будто мне не хватает воздуха. Приятная атмосфера комнаты – тишина и покой – немного утомили мою тревогу и душевное беспокойство. Большое окно с зелеными портьерами и позолоченными балдахинами придавали комнате особый уют и тепло. Моя детская кроватка, находившаяся возле окна, казалась мне в этот момент каким-то маленьким особым мирком, скрытым от человеческого взгляда, где я могла сейчас уединиться от всех жизненных невзгод. Через какое-то время постучали в дверь, и я вздрогнула. Мне казалось, что сердце сейчас выпрыгнет из груди, если вдруг дверь откроется, и на пороге я снова увижу тётку Эрну и услышу её противный голос. К счастью, мои ожидания не оправдались: я увидела крестную – молодую красивую женщину двадца-

ти восьми лет с аккуратно уложенными тёмно-русскими волосами. Она смотрела на меня открыто и добродушно. Рядом с ней стоял её сын – подросток лет тринадцати, высокий, стройный, со светлыми волосами и удивительно умными пронизательными глазами, его все называли Максом.. Он почему-то вызывал у меня всегда странные и непонятные мне чувства. При виде него я часто терялась и старалась отвести глаза в сторону, а если в этот момент о чем-либо говорила, то тут же затихала, оборвав фразу на полуслове. С самого детства я замечала, что он относится ко мне как-то по-особенному. Он никогда не задибался, не подтрунивал надо мной, что было характерно для юношей его возраста. Он смотрел на меня особым внимательным взглядом, при этом его глаза источали тихий таинственный свет. Я медленно поднялась и осторожно села. Крёстная села рядом со мной, а Макс устроился на стуле напротив меня. Крёстная потянулась ко мне рукой и, погладив по голове, произнесла:

– Ты какая-то бледная, Кристина. Ты случайно не заболела?

Я отрицательно покачала головой и попыталась встать с кровати, но боль в коленках парализовала меня, и я, сжавшись, остановилась.

– Что такое? – спросила крёстная. Похоже, мои ощущения не укрылись от её пристального взгляда.

– Что случилось, Кристи? – с беспокойством спросил меня Макс и, облокотившись на кровать, нечаянно задел мои

ноги. Я зажмурилась, стараясь не показать свою боль. Крёстная, всё это время наблюдавшая за мной, заметила:

– Что у тебя с ногами?

Она протянула ко мне руки, желая осмотреть меня, но я воспротивилась.

– Ты где-то поранилась? – тревожно спросила она, но я молчала.

– Но, Крис? – подключился Макс. В это время громко стукнула входная дверь и в следующую минуту в комнату, как ураган, ворвалась мама. Она была вся вспотевшая и покрасневшая. Было видно, что она торопилась, потому что её до сих пор преследовали одышка и периодический кашель. Она заговорила отрывисто и бессвязно, а затем, немного успокоившись, устало улыбнулась и подошла к нам. Обменявшись радостными знаками приветствия с крёстной и Максом, она присела рядом со мной и прижала меня к себе.

– Ну, как ты тут, моя девочка? – спросила она, погладив меня горячей, слегка дрожащей рукой по плечу.

– Всё хорошо, мама, – ответила я. Крёстная, всё это время тихо наблюдавшая за мной, тяжело покачала головой.

– Что-то случилось? – заметив её беспокойный взгляд, устремленный на меня, спросила мама.

– Мне кажется, что-то здесь не так, – произнесла в задумчивости крёстная.

– Что же?

– Нам показалось, что... – но тут крёстная замолчала, по-

тому что заметила мой взгляд, умоляющий не говорить обо мне ничего больше. Она нахмурила брови и перевела разговор на другую тему, расспрашивая уже маму об успехах на работе. Я облегчённо вздохнула. Когда же мама поинтересовалась, почему я долго не встаю с постели, я ответила, что у меня немного разболелась голова и что это скоро пройдёт, но, к сожалению, мой обман был скоро раскрыт. Уже поздно вечером, когда мы с мамой собрались проводить крёстную с Максом до остановки, мне пришлось переодеться в тёплые гамаши. Когда я, отвернувшись от них, попыталась снять колготки, неожиданно услышала у себя за спиной дрогнувший голос мамы:

– Ну-ка, покажи мне.

– Нет. Мама. Не надо.

Увидев мои обожжённые и разодранные коленки, она воскликнула:

– Что же это такое? Я знала. Тебя нельзя было оставлять с ней.

– Но я сама опрокинула на себя эту тарелку, – сказала я в замешательстве. Но мама лишь тяжело покачала головой.

– Ты не умеешь врать, Кристина. Это опять она? Скажи мне.

– Нет, мама, нет, – попыталась я её заверить. На мгновение она отвернулась от меня, я же чувствовала себя растерянно и неловко. Ко мне подошёл Макс и презрительно покачал головой.

– Она всё никак не угомонится, эта злая вздорная женщина!

Я не раз слышала, как мама рассказывала крёстной про наши тяжёлые взаимоотношения с хозяйкой дома и о том, что она опасается оставлять меня с ней наедине. От этого каждый раз её сердце не на месте, но, к сожалению, у нас не было другого выхода.

– Так не может больше продолжаться. Не может, – сквозь зубы процедил Макс, злобно ударив кулаком по столу, и тут же опрометью бросился к двери.

– Макс, ты куда? – вскрикнула крёстная и кинулась за ним, а следом мы с мамой. Мы остановились у распахнутой двери комнаты тёти Эрны и увидели, как Макс, почти вплотную приблизившись к ней, бесстрашно и грозно смотрел ей в глаза, выражая всем своим видом гнев и ненависть.

Его ноздри в этот момент широко раздувались от негодования.

– Вы... не человек! Как вы можете издеваться над маленькой беззащитной девочкой? Кто вам дал такое право? Вы думаете, что её некому защитить? Так вот, вы ошибаетесь. Я вижу, в вас нет ничего человеческого. Как вы вообще смее так обращаться с детьми? – сказал Макс, при этом его щеки сильно покраснелись, а дыхание участилось и стало жёстким. Какое-то время он продолжал выкрикивать отрывистые фразы в адрес тёти Эрны, презрительно глядя прямо ей в глаза. Она стояла, ошеломленная дерзкой выходкой

мальчишки, вытаращив глаза, но затем её лицо вдруг резко переменялось, и, окинув нас всех странным взглядом, она вдруг дико рассмеялась, словно её рассудок помутился. Мы стояли в полном замешательстве, не понимая, что всё это значит. Наконец она закричала: – Что? Ещё этого не хватало. Не нравится? Убирайтесь вон! Вас здесь никто не держит. Не хватало, чтобы ещё кто-то, с улицы... указывал мне, что делать в своём собственном доме. Здесь я хозяйка! Слышите? Я!

Она снова рассмеялась. После этого случая лицо тёти Эрны, искажённое злобной гримасой, ещё долго стояло у меня перед глазами. Впечатленная до глубины души, проснувшись однажды ночью от кошмара, я сквозь слёзы потянулась к полотенцу, висевшему на спинке моей кровати. Я хотела вытереть лицо, потому что проснулась в холодном поту, и волосы прилипли к моему лицу. В тот момент мне привиделось лицо тёти Эрны, она бесчувственно смеялась надо мной, громко выкрикивая обрывки фраз: «Ну, ничего ха-ха-ха... Я ещё до тебя доберусь. Поверь мне, придёт время...» Из-за ночного неведения и ужаса, охватившего моё детское сознание, мне почему-то померещилось, что полотенце, сложенное вдвое и висевшее у меня над головой, превратилось во что-то длинное и узкое и движется сейчас прямо на меня. Но что это? Что? В один миг мне показалось, что прямо на меня ползёт шипящая змея. Неожиданные галлюцинации, охватившие меня, сильно меня потрясли. Сквозь сон услы-

шав мои всхлипывания, проснулась мама. Вскочив с постели, она включила свет и бросилась ко мне. Лихорадочно расспрашивая меня обо всём, она принялась успокаивать меня. После всего произошедшего крёстная предложила нам переехать в их старинную усадьбу, но мама наотрез отказалась, сказав, что не хочет никого обременять нашими проблемами и что в ближайшее время она сама подберёт нам что-нибудь подходящее, и мы сразу съедем от тёти Эрны.

Но каждый раз, возвращаясь домой, усталая и удручённая, она тяжело разводила руками. Это означало одно: ей снова не удалось найти для нас другого убежища, так как цены, которые просили хозяева, намного превышали наш семейный бюджет.

Однажды я заметила то, что посеяло во мне мучительную тревогу. Вот уже который вечер подряд мама, склонившись над тетрадками своих учеников, проверяя их домашние задания, доставала из своей сумочки какие-то маленькие таблетки. Её лицо в этот момент силилось преодолеть внутреннюю боль, хотя она и старалась не показывать мне этого, но, как выяснилось, мы не зря пытались как можно скорее покинуть дом тёти Эрны, потому как наши злоключения на этом не закончились...

Глава V

Наступила зима. Лютые холода сковали землю глубоким слоем изморози. А леденящий душу свирепствующий сильный ветер захватил природу в свои суровые дикие объятия. Из-за сильных морозов я редко выходила на улицу и продолжительными тёмными вечерами ждала, когда наконец придёт с работы мама, стараясь по возможности не покидать комнату, чтобы лишней раз не натолкнуться на тётю Эрну. Нам так и не удалось ещё съехать из её дома, потому что мы не могли себе позволить что-либо подходящее. Поздним тихим вечером, когда казалось, снежная буря утихла, а ветер покинул широкие горизонты земли, я и мечтать не могла о прогулке, которую мне предложила мама, как только вернулась домой. В тот момент, когда мы уже начали собираться, к нам неожиданно постучали в дверь.

– Кто там? – с тревогой в голосе спросила мама. Чей-то приглушённый голос ответил что-то совершенно невразумительное. Мама неуверенно открыла дверь. К нашему удивлению, в комнату тут же ввалился сын тёти Эрны. Его сильно качало из стороны в сторону. Невооружённым взглядом можно было заметить, что он был пьян.

На нём был чёрный пиджак, из-под которого выглядывала тёмно-синяя расстегнутая на три верхние пуговицы рубашка, она открывала часть его волосатой груди. Слегка по-

мятые чёрные брюки ещё больше подчёркивали его огромную нескладную фигуру. Копна нерасчёсанных тёмных волос лишь ухудшала его и без того грубый образ. Он стоял над нами, как высокий толстый столб, закрывая нас своей тенью.

– Хм... Что, не ждали? – бросив на маму ехидный взгляд, протяжно произнёс он. Его затуманенные чёрные глаза играли бесовским блеском.

– Нет, – в растерянности отпрянув от него, произнесла она. Мужчина нагло вошёл в комнату и плотно закрыл за собой дверь, направившись к маме. С каждым шагом она отходила от него назад до тех пор, пока не оказалась возле окна и не упёрлась в подоконник локтями. В её глазах была тревога и мольба прекратить всё это, но мужчина не обращал на это никакого внимания. – Ну, что, вот и пришёл мой час. Как видите. Я здесь... – продолжал он, усмехаясь. Затем грубой рукой потянулся к маминому лицу. – Прошу вас. Не надо, – сказала она, нервно убирая его руку. – Не надо? Я что, недостаточно хорош для вас? – Нет, вы... – попыталась объяснить мама. – Что я? – наклонившись к ней и стискивая при этом её руку, сказал он.

– Что вы делаете? – покраснев, произнесла она. – А вы не догадываетесь? Ведь я, как-никак, нахожусь в собственном доме, а значит, могу делать то, что хочу. Разве не так? – разведя руками, сказал он. – Или вы забыли, кто здесь хозяин? – уже придавив маму своей грудью, самодовольно произнёс он. – Вы не имеете права! – пытаюсь вырваться, ска-

зала она, беззащитно ссутулившись. В коричневом длинном платье с белоснежным воротничком она казалась ещё более худой, чем обычно, но несмотря на это, её охрипший от волнения голос был твердым.

– Ха-ха-ха! Кто не имеет право? Я? – Да, мы снимаем у вас жильё, но это не значит, что вы можете так обходиться с нами. – То, что вы платите сущие копейки за эту конуру, ещё ничего не значит, и этого недостаточно, поверьте мне.

Он снова подпёр маму своей грудью к подоконнику. Я видела, как она всеми силами пытается вырваться из его крепких рук, но тщетно. Всё это повергло меня в ужас и вызвало сильное чувство тревоги, поэтому я, недолго думая, кинулась к нему и, схватив его за рукава кофты, начала с силой отрывать от мамы.

– Не трогайте ее! – закричала я. – Что? – оборачиваясь по сторонам, словно ища что-то невидимое, ехидно произнёс он. – Не трогайте, – не отступала я. Было видно, как он потешается над моей детской храбростью, и, похоже, это его сильно забавляло, но, обратив свой взгляд на маму, он сказал: – Что, сама недотрога и дочь такой же растишь?

Его руки ещё сильнее сжали мамины. – Нет, – закричала я, пытаясь изо всех сил, что только были во мне, оттолкнуть его от мамы, и он, поскольку и без того неустойчиво стоял на ногах, еще сильнее покачнулся в сторону, так, что чуть не упал, и уже в бешенстве закричал:

– Ах ты, чёртова девчонка, – при этом он сильно толкнул

меня, так, что я упала на пол и ударилась головой. Мама, тут же с силой оттолкнув его, бросилась ко мне и, подняв меня с пола, прижала к себе.

– Уходите, прошу вас, немедленно уходите, иначе я...

– Что вы? Ну, что вы? Ладно, я ещё доберусь до вас, доберусь, – сквозь зубы процедил он и, шатаясь, вышел из нашей комнаты. Мама тут же кинулась к двери и быстро закрыла её на засов и подошла ко мне, снова обняв.

– Мама, скажи, почему люди так злы? – твердила я, не унимаясь, вспоминая при этом тётю Эрну, её гостей и её грубого сына.

– Тебе не нужно забивать себе этим голову, детка. Ты ещё слишком мала для этого, – в печальной задумчивости произнесла она. – Просто... Они сами не ведают, что творят, и в погоне за желаемым всё больше погрязают в своих грехах.

Я не осознавала до конца, что означали её последние слова. В моём детском сознании сформировался определённый образ этих злых, безжалостных людей. Как ни странно, наблюдая за людьми, по их глазам, мимике и жестам я словно догадывалась, к какому поступку склонна их душа, и, видя всё это, сторонилась их. Я вела себя, как дикая загнанная в клетку птичка. Но иногда, когда дело касалось близких и родных мне людей, я словно вырывалась из оков этой беззащитности и всем сердцем бросалась защитить того, кто мне был так дорог, и мне было уже совсем не важно, что будет со мной дальше, и какие последствия ждут меня. Я должна бы-

ла во что бы ни стало помочь тому, кто так нуждался во мне.

– Мама, – вдруг встрепенувшись, сказала я. – «Доберусь до вас» – это значит, что он нас не оставит в покое?

– Ты верно всё поняла, детка. Уходить нам надо отсюда.

Она снова прижала меня к себе и мягко погладила по голове.

– Я постараюсь как можно скорее найти нам другое пристанище.

Но спустя несколько дней сын тёти Эрны снова пришёл к нам. На этот раз его наглость не имела границ, а вседозволенность дошла до предела.

– Ну, вот и я. Я же обещал вернуться. Я всегда выполняю свои обещания, – зловеще произнёс он. Мама в ужасе отпрянула от него, кинувшись закрыть дверь, но было уже поздно, он стоял на пороге и собирался пройти в комнату. – Я вижу, мне тут не особо рады? – усмехнулся он издевательски и, оскалившись, посмотрел на меня. – Ну, ничего, – продолжал он. – Я терпеливый, и когда возьму своё, то сам уберусь отсюда ко всем чертям, – уже со злобой глядя на маму, произнёс он. Неожиданно он подошёл ко мне и, присев передо мной на корточки, стал внимательно рассматривать моё лицо своими маленькими чёрными и злыми, как у тёти Эрны, глазками. Затем, оглянувшись на маму, произнёс:

– Хм, как я этого раньше не заметил. А у твоей девочки ангельское личико, – он протянул ко мне свою потную и дурно пахнущую руку и взял меня за подбородок.

– У-у-у, я бы даже сказал, как ни странно, красивее ребёнка я ещё не видел, а эти большие бездонные глаза, только они чего стоят.

Я с отвращением и презрением отвернулась от него.

– Ха-ха-ха! – засмеялся вдруг громко и раздражительно он, затем, снова повернув к себе моё лицо и вглядываясь в него, произнёс:

– Жаль только, что она ещё слишком мала. Сколько ей лет? Семь, восемь? – спросил он, у мамы бросив на неё беглый взгляд. На тот момент мне было около семи.

– Ничего, подождем, когда подрастет, – заключил он с насмешкой в голосе.

– Не трогайте её, – загородив меня грудью от него, твердо сказала мама.

– О, да, конечно. С неё ведь пока нечего взять, зато есть то, что мне вполне подойдет сейчас, – прошипел он и снова схватил грубо за руку маму.

– Нет, отпустите меня, – вырываясь из его рук, взмолилась мама. – Ну, прошу вас, не трогайте вы нас!

Но в последний момент, когда она попыталась вырваться из его рук, оттолкнув его от себя, он от злости молниеносно занёс над ней руку и больно ударил её по лицу. Она в ужасе вскрикнула. Увидев всё это, я, словно обезумев, бросилась к нему и со всей силы укусила его за руку. Он, как ошпаренный, бешено закричал. В это время мама вырвалась из его рук и подбежала ко мне. На его крик в комнату ворвалась

тётя Эрна. Она была в тёмно-синем шёлковом халате до пят, а её растрёпанные волосы, которые она, по всей видимости, не успела ещё прибрать, делали её вид ещё более отталкивающим.

– Что здесь происходит? – возмущённо закричала она и, посмотрев на своего сына, который со стоном склонился над своей прокушенной рукой, с беспокойством бросилась к нему.

– Что они с тобой сделали?

– Это благодарность за то, что мы их тут приютили, – злобно поглядывая на нас, произнёс сын тёти Эрны, сплёвывая сквозь зубы. Его глаза, казалось, налились кровью.

– А эта гадкая девчонка совершенно дикая и неуправляемая. Вот, посмотри, что она сделала. Она прокусила мне руку.

Увидев посиневшую руку своего сына и следы зубов на ней, она в ужасе закричала:

– Как? Что это за дикость? Этого ещё не хватало, – уже в бешенстве сказала она. – Ну, всё, с меня хватит. Больше я этого терпеть не намерена. Быстро собирайте свои вещи и убирайтесь отсюда вон, и чтобы духу вашего здесь больше не было.

Я чувствовала, как у мамы в этот момент опустились руки, она стояла, вся побледнев, глядя на всё невидящими глазами.

– Вон! Я сказала, вон отсюда! – уже истерично прокрича-

ла тётя Эрна и, указав нам рукой на дверь, остановилась в ожидании. Мама машинально начала собирать вещи в чемодан, а я тем временем быстро оделась, после чего мы направились к выходу. Тётя Эрна всё ещё бежала за нами по лестнице и кричала нам вслед:

– И чтобы ноги вашей больше здесь не было! Оборванцы! Нищие!

Её голос ещё долго звенел у меня в ушах, казалось, что мир в этот момент окончательно обрушился на нас, а фигура тёти Эрны грозной тенью продолжала ещё какое-то время злобно следовать в моём подсознании повсюду за нами.

Глава VI

Итак, мы оказались на улице. Невыносимый жестокий холод тут же сковал наши лица и руки. Ветер неистово стenal и гулом завывал в потрескивающей вершине деревьев, а опускаясь на землю, вихрем поднимал снег и, кружа перед нами, больно, как осколки режущего стекла, впивался нам во всё тело. Иногда мимо нас проходили люди, укрываясь руками, как и мы, от снежной бури. Долго и утомительно, преодолевая снежные препятствия, мы добрались до покрытой изморозью скамейки, одиноко стоявшей среди заснеженных деревьев. Мама тяжело опустилась на неё. Я заметила по выражению её лица, будто она внутренне преодолевает какую-то сильную боль. Увидев моё беспокойство, она тут же произнесла:

– Сейчас, дочка. Я немного передохну, и пойдём дальше.

Наконец приподнявшись, она тут же схватилась рукой за грудь.

– Что с тобой, мама? – в замешательстве, спросила я.

– Ничего, дочка не беспокойся. Это сейчас пройдет, – сказала она, пытаясь меня успокоить, но её лицо говорило о том, что она всё ещё с трудом преодолевает боль в груди. Она свернулась комочком в своём сером драповом пальто, которое казалось очень лёгким для зимы. Она утерла покрасневшей рукой лицо от слёз, которые выбил из её глаз сильный

ветер, в обрамлении пушистой белой шапочки её лицо казалось совсем бледным и осунувшимся, несмотря на холод. Вскоре она, будто очнувшись, поднялась со скамейки, а я следом за ней. Мы медленно побрели дальше.

– А куда мы идём? – спросила я, нарушив молчание, которое нарушало разве что гулкое завывание ветра.

– К крёстной, Кристина. Нам ведь больше не к кому идти. У нас никого больше нет.

Мы дошли до очередной скамейки, и мама снова тяжело опустилась на неё. Я присела рядом. Вскоре я заметила, как она что-то долго ищет у себя в кармане, после чего она вытащила оттуда маленький клочок свёрнутой бумаги и протянула его мне.

– Здесь адрес, Кристина, если со мной что-нибудь случится, – её губы в этот момент сильно посинели, она дрожащими руками вложила мне в ладони листок с адресом. Затем, тяжело потянувшись рукой к сердцу, она наклонилась немного вперёд...

– Мама, тебе плохо? – беспокоилась я, видя её болезненное состояние.

– Нет. Нет. Сейчас пройдёт, – успокаивая меня, ответила она.

– Но я же вижу, что что-то не так.

– Сейчас отпустит, – взяв меня левой рукой за руку, сказала она. – Всё хорошо, Кристина, всё хорошо.

Через какое-то время, всё еще сидя на заснеженной ска-

мейке, я почувствовала, как её рука тяжело упала ей на колени.

– Мама, мама? – встрепенувшись и вскочив со скамейки, я бросилась трясти её за руки.

– Мама, очнись! Что с тобой? – сквозь жестоко хлеставший мои глаза сильный ветер кричала я, но он заглушал мой крик. Она сидела неподвижно. Я продолжала трясти её, сколько во мне только было сил, но её тело в ответ вдруг тяжело опустилось, а затем упало на скамейку. Меня охватил ужас.

– Нет! Нет! Мама, прошу тебя, очнись! Мама! – уже плача, твердила я.

Мимо проходили люди, и, казалось, никто из них не обращал на нас никакого внимания. Они продвигались вперёд, сквозь снежную бурю, пытаясь призрачно бороться с ней движениями рук, устремляясь вперёд, и были целиком увлечены своими мыслями и чувствами до самозабвения, не замечая, что творится вокруг. Я не раз задавалась вопросом: что происходит с людьми? Откуда в них это равнодушие и безразличие? Что вообще происходит с миром? Но каждый раз моё сознание заходило в тупик. Кто мы и что мы делаем на этом свете? Созидаем ли мы добро или безжалостно творим зло, опрометчиво следуя своим страстным желаниям? Что движет душой человека, его помыслами и чувствами? Сейчас мне ясно одно: злость и жестокость, неотъемлемо следуя друг за другом, укореняются в нашей жизни.

Судьба безжалостно калечит и ломает, кого-то делая злым и мстительным, а кого-то – слабым и бесхарактерным. Но есть и те, у кого сквозь это тяжёлое бремя жизни проявляется луч света, словно их душа понимает что-то, чего не могут понять многие из нас. Хотя они нам кажутся наивными и странными, но именно они несут добро и свет миру, и если бы их было больше, то, возможно, мир бы просветлел от этого чувства разума и души, которая и должна нести свет в человеке...

Просидев довольно долго на скамейке возле мамы, я начала чувствовать, как мои руки и ноги начинает щипать сильный мороз, но мне было уже всё равно. Я сидела, как обречённая, пригвожденная к морозной скамейке. Вскоре острый холод своим болезненным пощипыванием начал отпускать меня, а ему на смену пришло спокойствие. Мои глаза начали медленно смыкаться, я постепенно погружалась в сон, он принёс с собой другое леденящее ощущение в теле.

– Девочка, девочка, – словно с неба кто-то позвал меня на эту землю, но мой сон был так сладок, что я совершенно не хотела просыпаться.

– Девочка, очнись!

Кто-то грубо начал трясти меня за руки, за ноги, затем я почувствовала резкие удары по щекам:

– Очнись же. Очнись! Неожиданный голос своим велением и движением Божьим вернул меня на землю.

– Господи, да ты вся замёрзла. Ты заоченела вся. А ну-ка, вставай. Вставай, детка. Рано тебе ещё на тот свет. Рано,

поверь мне...

Перед моими глазами, как в бреду, мелькнуло лицо пожилой дамы в очках с внимательными светлыми глазами. Я начала приходить в себя. Только это возвращение стоило мне невыносимо тяжёлых, я бы даже сказала, адских мук, потому как моё почти омертвевшее тело начало отходить от сна и пробуждаться к жизни. Женщина тем временем, присев рядом со мной, стала с силой тереть мне руки и ноги. Я почувствовала, как волна тепла хлынула к моим жилам, и кровь, почти застоявшись уже в них, пробудившись, новой жизнью с болью бросилась по всему моему телу, так, что у меня выбились слёзы из глаз.

– Больно, – твердила я. Женщина, оглядываясь по сторонам, начала кричать:

– Люди! Помогите! Кто-нибудь! Женщине плохо, и девочка совсем замёрзла... Помогите!

Я смутно помню, что было дальше, кажется, к нам, наконец, подошло несколько человек. Они вызвали скорую помощь, после чего маму увезли, а меня эта женщина привезла к себе домой. Мне запомнились быстрота и лёгкость в движениях этой пожилой женщины. Несмотря на свой возраст, всё, что бы она ни делала: разливала ли чай по чашкам, расставляла ли столовые приборы на столе, – всё она делала с лёгкостью и грациозностью. Её маленькая хрупкая фигура и мягкое выражение лица производили впечатление доброго и внимательного человека.

Обстановка в её доме призрачно пронеслась перед моими глазами и не оставила особого следа, потому как я чувствовала себя настолько усталой и измождённой, что только свет, выбивавшийся из-под красного абажура, бросился мне в тот миг в глаза. Женщина напоила меня горячим чаем с лимоном и попыталась покормить, хотя мне и крошка хлеба не шла в горло после всех сегодняшних испытаний. После она спросила, есть ли у нас здесь кто-то из родных или знакомых, чтобы сообщить им, где я нахожусь. Тогда я вдруг вспомнила, что мама напоследок сунула мне в руки клочок бумаги с адресом. Странное дело, при всех происшествиях сегодняшнего дня скомканный листок бумаги до сих пор находился в моём сжатом кулачке. словно это был последний остаток моей жизни, точнее, остаток той жизненной силы, который не дал мне уйти туда, угаснуть. Женщина уложила меня в тёплую постель, укрыв пушистым мягким пледом. Слишком тяжёлыми оказались для меня воспоминания сегодняшнего дня, они были для меня непосильной ношей, поэтому сон тут же сморил меня, как только моя голова коснулась пуховой подушки.

Проснувшись, я увидела взволнованное лицо крёстной. Она, тяжело качая головой, протянула ко мне свои тонкие руки и обняла меня, заботливо прижав к себе. Вскоре я оказалась в её доме. Это была старинная красивая усадьба, вокруг неё был расположен большой сад, правда, сейчас все деревья в нем, скамейки для отдыха и лужайка были покрыты

толстым слоем снега, словно белым пушистым покрывалом. Создавалось впечатление, что всё здесь было сковано тихим таинственным сном. Внутри дом выглядел уютно и просторно. При входе я оказалась в огромном фойе, по правую сторону которого находились три больших окна. Их украшали объемные бордовые портьеры, они тяжело опускались на пол и по бокам были собраны позолоченными крупными кистями в подхваты. Сверху над окнами опускались пышные оборки. Перед входом был расположен большой персидский ковёр с красно-зелёным узором на пастельном фоне, окаймленным крупными цветами роз. Тут же возносилась вверх парадная лестница с широкими гранеными ступеньками, она вела на второй этаж. По левую сторону фойе находились гостиная и кухня. На втором же этаже были расположены несколько спален, уборная и комнаты для отдыха. Дом произвёл на меня неизгладимое впечатление, невозможно было не восхищаться теплом и уютом здешней обстановки, они невольно погружали в атмосферу жизни дома и его обитателей. Не говоря уже об огромной библиотеке с многочисленными полками старинных книг и бесценной, на мой взгляд, картотекой. Всю центральную стену в библиотеке занимал камин из тёмно-коричневого гранита. Над ним висела большая картина в позолоченной раме с изображением прекрасного пейзажа в летнюю тёмную пору, в центре сияла таинственно-робкая луна, сквозь серые лёгкие облака, плавно проплывающие синеватой дымкой, отблеск этой луны па-

дал на озеро, в котором отражались струйками блики, исходящие от небесного светила. Крёстная познакомила меня со всем домом, затем провела наверх и показала мне мою комнату, которая меня сразу расположила к себе. Спокойные тона стен защитного цвета, шторы и ковёр во весь пол под цвет стен и письменный стол, расположенный напротив большого светлого окна, а рядом – уютный, с роскошной обивкой, мягкий диван. Крёстная решила оставить меня одну, чтобы дать мне время оглядеться и привыкнуть к обстановке, сказав, что перед обедом она обязательно зайдёт за мной.

На следующий день я, уже немного освоившись, спустилась вниз, в фойе, и хотела пройти в библиотеку, но так как гостиная была неподалёку от неё, я заметила чуть приоткрытую дверь. Я услышала громкие голоса, которые привлекли моё внимание, и я тихо подошла к двери гостиной, но то, что я услышала в следующее мгновение, повергло меня в смятение. Опустившись на корточки и обхватив руками колени, я тихо заплакала. Через какое-то время я почувствовала, как меня кто-то трогает за плечо.

– Кристи, Кристи...

Я подняла от колен заплаканные глаза и увидела Макса.

– Кристи, что случилось? – внимательно глядя на меня, спросил он. – Почему ты плачешь?

Я в ответ попыталась рукавом утереть накатывающиеся на глаза слёзы.

– Моя мама, она... Она умерла! Меня теперь отдадут в

детский приют?

– С чего это ты взяла, Кристи? – удивился он.

– Но как? Ведь у меня теперь никого нет. Я осталась совсем одна, – сказала, всё ещё всхлипывая, я.

– Что ты такое говоришь, Кристи? Как это никого нет? У тебя есть крёстная и я – твой крёстный брат, – сказал он и, попытавшись меня успокоить и подняв меня с пола, взял меня за руку.

– Ничего не бойся, Кристи. Ведь я рядом!

Похороны мамы состоялись через три дня. Как ни странно, в это утро выглянуло солнце, оно неожиданно пробралось сквозь призрачно-слабые тучи, которые медленно проплывали по небу, подгоняемые лёгким ветром. Было что-то во всей природе тихое смиренное, упоённое покоем и тишиной.

Всё утро я отрешенно молчала, следуя за похоронной процессией. Но когда в последний раз были сказаны прощальные слова, и гроб накрыли плотной крышкой, опустив его затем в глубокую чёрную яму, тогда я вздрогнула, а когда на него начали бросать комья сухой промёрзшей земли, я вдруг почувствовала отчуждённость, полную глубокого одиночества. Я поняла, что мама ушла навсегда, что её больше нет, и не будет. Чувства протеста и глубокого осознания того, что я осталась одна на этом свете, разволновали меня настолько сильно, что вызвали бурю раздирающих душу эмоций.

– Нет, нет, – прошептала я. Слезы настолько сильно стали

душить меня, разрывая все мои детские чувства, что я в отчаянии и с криком в сердце закричала и бросилась бежать, куда глаза глядят, лишь бы ничего этого больше никогда не видеть.

– Кристи, стой! – доносились за моей спиной чьи-то голоса, но я уже ничего не слышала и не видела. Я бежала сломя голову неведомо куда и зачем и, казалось, уже выбилась из сил, но остановиться не могла.

Внутренний протест против всего, что произошло в моей жизни за последнее время, вывернул всю мою душу наизнанку и поработил мою детскую волю.

– Стой же, ну, Кристи, – услышала я уже близко, за моей спиной, как неожиданно кто-то пересек мне дорогу. Какое-то время меня долго трясли за плечи, пытаюсь образумить и привести в чувство, но из-за слёз я ничего не видела перед собой и не слышала. Затем я почувствовала, как меня обняли и, успокаивая, начали гладить по голове.

– Успокойся, Кристи. Прошу тебя, успокойся. Я знаю, как тебе сейчас плохо, и что ты сейчас чувствуешь. Лучше поплачь. Поверь, тебе станет легче. Я испытывал такие же чувства, что и ты. Со мной было то же самое, когда умер мой отец.

Но я слышать ничего не хотела. Я продолжала вырываться и сильно била кулаками по груди того, кто не давал мне вырваться из крепких тисков. Когда же мои силы окончательно иссякли, а руки отказались подниматься на того, кто всё

это время смиренно и безропотно терпел мои отчаянные побои, я подняла глаза и сквозь пелену слез увидела Макса. Он крепко сцепил руки за моей спиной, чтобы я не вырвалась и не убежала. Почувствовав, по-видимому, что я немного успокоилась, он посмотрел на меня. В его глазах тоже стояли слёзы.

– О, Крис, – покачал он головой. Затем снова прижал меня к своей груди, желая тем самым оградить от всего.

Прошло несколько месяцев. Спустившись однажды в гостиную, крёстная сообщила, что очень скоро Макс уедет учиться в Англию, этому поспособствовало то обстоятельство, что единственный брат крёстной – солидный мужчина пожилого возраста – имел свою большую строительную компанию и был довольно состоятельным человеком, но одиноким и бездетным, и единственной его надеждой был племянник – Макс, на которого он возлагал большие надежды. Как он не раз сообщал об этом крёстной, он мечтает, чтобы Макс получил блестящее образование в Англии, все расходы, соответственно, он возьмёт на себя, а затем он хочет передать ему дело всей своей жизни. Таким образом, он не раз уговаривал крёстную выполнить его единственную просьбу. После долгих и тяжёлых раздумий и колебаний, поговорив с Максом и обсудив всё с братом, она, наконец, дала своё согласие, и Макс начал собираться в дорогу.

– Кристи, – столкнувшись однажды со мной в дверях гостиной, произнёс взволнованно он. – Меня не будет здесь ка-

кое-то время. Но знай, это совсем не значит, что я не слышу и не вижу тебя... Помни, я чувствую всё, что с тобой происходит, даже на расстоянии. Я могу ощущать всё то, что ощущаешь ты. Поэтому у меня к тебе будет одна просьба: будь хорошей девочкой. Слушайся крёстную и... Марию, они ничего плохого тебе не посоветуют. Ведь они тебя любят, как и..., – он вдруг замолчал, но затем продолжил:

– А главное... Береги себя. Одевайся теплее и не принимай все невзгоды близко к сердцу. И помни, я буду переживать всё то, что переживаешь ты, и если ты будешь полна печали, то и я тоже буду грустить. А теперь давай простимся, Кристи.

И, подойдя ко мне, он обнял меня, бережно и крепко прижав к своей груди. Я слышала, как громко и отчётливо бьётся его сердце, отдаваясь и стуча в моих висках каким-то странным и непонятным мне чувством, словно это моё сердце бьётся так у меня в груди, и я слышу его отчётливый стук. После отъезда Макса крёстная занялась оформлением опекуинства надо мной. За всё время, что Макс провёл в Англии, а это было несколько долгих лет, я видела его лишь несколько раз, и каждый его приезд был совершенно неожиданным для нас, как снег, свалившийся на голову жарким июльским днем. Но каждый раз его появление вызывало во мне очень странные и непонятные мне чувства. Ощущения, словно подо мной разверзается земля, и мне некуда приткнуться, чтобы избежать этих плохо сочетающихся чувств самооблада-

ния с волнением и полной растерянностью.

Глава VII

Я оканчивала начальную школу. Так как по своей природе я была любознательной и любила много читать, то разного рода науки давались мне без каких-либо трудностей и усилий.

В те редкие ненастные и ураганные дни, когда природа была охвачена особым буйством и негодованием погоды, крёстная встречала меня из школы. Но однажды, к моей большой неожиданности, в один из таких ненастных дней за мной пришел Макс. Я уже складывала последние учебники в портфель, изредка посматривая на окно, за которым буйствовала свирепая непогода, как какая-то неведомая мне странная внутренняя сила заставила меня обернуться в сторону классной двери и, подняв глаза, я увидела Макса. Он стоял в дверях, прислонившись к косяку, и в толпах сверстников быстрым взглядом кого-то искал. Наконец остановив на мне свой пронзительный взгляд, с минуту он стоял неподвижно, затем я заметила, как моя учительница подошла к нему и о чём-то бегло с ним заговорила, после чего повернулась ко мне и рукой дала мне знак, чтобы я подошла к ним. Она была невысокой худощавой женщиной лет тридцати пяти, круглолицей, со светлыми раскосыми глазами и светло-русые густыми волосами. Строгая и в меру справедливая, она была для меня непререкаемым авторитетом, как, впрочем, и у

большинства учеников в классе.

Я медленно направилась к ним, при этом в моих коленках чувствовалась какая-то скованность. У меня было ощущение, что мои ноги отказываются идти, они словно онемели, а по телу то и дело проносилась волна странного жара. Уже стоя рядом с Максом, я чувствовала, как мои щеки заливаются краской. Я не сразу поняла, о чём они говорят, так как всё ещё находилась в каком-то состоянии оцепенения, но когда моё чувство растерянности стало постепенно покидать меня, я смогла вникнуть в суть их разговора. Насколько я поняла, речь шла о моей успеваемости в школе. Выслушав внимательно учителя и уже размышляя о чём-то, Макс в задумчивости произнёс:

– Скажите, может, нам нужны какие-нибудь дополнительные занятия... Да, и как у нас обстоят дела с английским?

На это моя учительница, мягко ему улыбнувшись, сказала:

– Что вы, у меня нет абсолютно никаких сомнений по поводу её знаний.

Впрочем, вы можете сами в этом убедиться. Если вас не затруднит пройти прямо по коридору и свернуть налево. Там на стене висит большое табло, обратите на него внимание... – сказав это и попрощавшись с нами, она вышла из класса. В это время все ученики, как я заметила, уже разошлись по домам.

– Ну, здравствуй, Кристи, – обратившись уже ко мне, про-

изнёс Макс и, сделав ко мне навстречу шаг, обнял меня, бережно прижав к себе. Я слышала его тихий голос, который сквозь мои волосы шептал:

– Как же долго я не видел тебя, Кристи. Слишком долго, чтобы...

Он окинул меня пристальным взглядом.

– А ты выросла, Кристи. Правда, немного. В остальном же нисколько не изменилась. Разве что этот взгляд... он стал ещё более взрослым.

Макс взял в одну руку мой портфель, а другой – меня за руку. Я почувствовала, как его горячие пальцы сжимают мои.

Мы вышли из класса и прошли по длинному светлому коридору, подойдя к большому табло, висевшему на левой стороне стены. В самом верху была надпись большими красными буквами «Гордость школы» и среди нескольких портретов я увидела свой. Судя по взгляду Макса, он тоже остановился на нём. С минуту он молча и внимательно рассматривал его. С портрета на нас смотрела девочка с большими серыми глазами, не по-детски взрослыми. Выражение лица и мягкая улыбка застыли в странном покое. Высокий открытый лоб, светлые волосы, аккуратно собранные по бокам на макушке в два больших хвоста, роскошные белоснежные банты. В целом портрет производил впечатление недетской серьёзности. В какую-то минуту мне показалось, что это вовсе не я. Что это портрет совершенно чужой девочки, стро-

го и внимательно смотревшей сейчас на нас так, словно она заглядывала к нам из какого-то другого мира. В моём сознании фотография всегда ассоциировалась с чем-то вечным и не проходящим. В этот момент Макс перевёл взгляд с портрета на меня.

– Хм... – он улыбнулся. – Так ты у нас отличница, Кристи? И тобой по праву гордится школа? Почему же ты нам не говорила об этом?

– Вы не спрашивали, – тихо сказала я и, смутившись, опустила голову.

– Не удивительно, – задумчиво произнёс он, глядя на меня. – Тем более что скромность тоже является твоей отличительной чертой. Ну, что, Кристи, расскажи мне, как ты тут поживаешь, особенно... – он вдруг замолчал, остановившись на последнем слове. Я, недолго думая, ответила, что у меня всё хорошо.

– Хм, и сомнений быть не могло, что ты так ответишь. А поподробнее? Не грустишь ли ты здесь и не скучала ли ты всё это время?... – он снова замолчал. Я смутно понимала, о чём он говорит и что значат его слова, и лишь продолжала молча слушать его.

– Может у тебя за это время появились какие-нибудь друзья, Кристи?

Я пожала плечами. Несомненно, я лукавила, у меня действительно появилась одна школьная подруга, но говорить о ней было не в моих правилах.

– Ты не хочешь говорить об этом, Кристи? – уже усмехнувшись, сказал он.

– Ты и впрямь необычная девочка. Другие бы девчонки уже защебетали о своих подружках, но только не ты, вне всяких сомнений. Он снова улыбнулся, покачав головой. Мы направлялись по длинному коридору в школьную раздевалку. С трудом отыскав в раздевалке своё пальто, я принялась искать в рукавах и карманах шарф и перчатки, но, к сожалению, не обнаружила ни того ни другого, только свою вязаную шапку.

– Что-то случилось, Кристи? – настороженно посмотрев на меня, спросил Макс.

– Нет, – ответила я, подумав про себя, что если завтра смогу прийти в школу пораньше, то, возможно, найду свои потерянные вещи, и, молча одевшись, направилась к выходу.

– Постой, Кристи, – сказал он, догнав меня, когда мы вышли на улицу.

– Разве ты не видишь, что на улице холодно? Где твой шарф? Я смотрю, и шея вся открыта, и что с твоими варежками? – посмотрев на мои оголённые руки, спросил он. Я молчала, не зная, что ответить.

– Ясно, – помолчав, сказал он. – Среди такого количества вещей, что находится в вашей раздевалке, мы вряд ли, конечно, сейчас что-либо найдём. Он присел передо мной на корточки и начал быстро снимать с себя длинный вязаный шарф, вытащив его из-под чёрного длинного пальто, затем

пошарил у себя в карманах и достал оттуда тёплые варежки и, подавшись ко мне вперёд, начал укутывать меня в свой шарф. Я попыталась воспрепятствовать этому, заметив его голую шею.

– Не надо, – покачав головой, сказала я.

– Не противься, Кристи, – произнёс строго он, не обращая внимания на мои возражения, и надел на мои руки свои тёплые варежки, которые были мне слегка великоваты. Неожиданно ветер утихомирился, и пошёл белый, мягкий, как вата, пушистый снег. Я чувствовала, как узорчатые снежинки облипают мои ресницы, а подставив руку, заметила, как они одна за другой садятся мне на варежки. Мы медленно шли по заснеженной дорожке, по сторонам которой, как в сказочной картине, сияли белоснежные дома, покрытые снегом. Деревья, как в сонной ложине, тихо стояли, замерев от ослепительно белой шубы, накрывшей их с головой.

Приближалось Рождество...

Я всегда находилась под сильным впечатлением от этого светлого, на мой взгляд, таинственного и сказочного праздника. Особенно меня завораживали маленькие хрупкие фигурки ангелов, сделанные из белого стекла. Отражения ночного света и ярких свечей на стеклянных витринах магазинов, казалось, влекли меня к себе с особой силой, так, что проходя мимо витрин, я с замиранием сердца смотрела на них. Вот и сейчас мы с Максом проходили мимо этих витрин, и я приостановилась, невольно засмотревшись на них.

– Кристи, что так заворожило тебя? – заметив мой взгляд, невольно брошенный на стеклянные витрины магазина, спросил он. – Хотя, постой. Я, кажется, догадался... Пойдём со мной.

И, взяв меня за руку, он потянул меня к двери магазина. Оказавшись внутри, я стала с любопытством осматриваться по сторонам. Моему восхищению не было конца. У входа в магазин стояла большая рождественская ёлка, украшенная волшебными новогодними игрушками, на полу возле неё находились сказочные персонажи, сделанные из папье-маше: весёлая озорная белочка держала в пушистых лапах большой орех; принагнувшись под ёлкой и прячась под её густыми ветвями, выглядывал заяц. Повсюду висели картины на любой, даже самый придирчивый вкус. В подсвечниках горели ароматизированные свечи. На стенах висели старинные зеркала, обрамлённые то в золотую, то в красно-дубовую рамку, а по правую сторону на стеклянной витрине находились те самые маленькие стеклянные фигурки ангелов. Макс уверенным шагом направился к витрине с ангелами, быстро увлекая меня за собой.

– Ну, Кристи... Выбирай любую фигурку, ту, что больше всего придётся тебе по душе.

Я с удивлением посмотрела на Макса.

– Ну же, Кристи, смелее! – сказал он, улыбнувшись. Я нерешительно протянула руку к одному из ангелов на витрине, хотя их было так много, что я не знала, какую выбрать.

В это время послышался громкий и хриплый голос продавца за моей спиной:

– Вы что-то выбрали?

И я, вздрогнув от неожиданности, выронила фигурку ангела из рук, она с грохотом упала на пол. Продавец тут же поспешил к нам.

– Что здесь происходит? – грубо сказал он. – Кто это сделал?

Я вся покраснела от волнения и собиралась ответить, что это я, но не успела, так как услышала рядом голос Макса:

– Извините нас, мы сейчас же возместим все убытки. Будьте любезны, посчитайте нам все расходы. Кроме этого... Мы хотели бы купить у вас вот этих двух ангелов, – он указал продавцу на фигурки, на которых недавно остановился мой взгляд. Продавец, вдруг смягчившись, протянул руку к витрине.

– Я так понимаю, вы хотите вот этих ангелов?

Макс, проследив в этот момент за моим взглядом, сказал:

– Да, именно их.

Продавец аккуратно подал нам пару белоснежных хрупких фигурок.

– Это твоё, Кристи, – произнес Макс, подав мне ангелов. – Пусть это будет тебе подарок от меня. С наступающим Рождеством тебя, Крис, – сказал Макс, слегка наклонившись ко мне.

– Но как, ведь я... – всё ещё чувствуя свою вину за разби-

тую фигурку, попыталась ответить я.

– Кристи, ты ни в чём не виновата. Это я недосмотрел, что ты не смогла дотянуться до фигурки. Я должен был это предвидеть и прежде сам подать её тебе. Ну же, улыбнись, Кристи. Ведь скоро Рождество!

Я посмотрела на две маленькие фигурки в моей ладошке, и улыбнулась.

– Вот, так-то лучше, – сказал Макс и, ненадолго оставив меня, направился к кассе.

За праздниками и суматохой время пролетело так стремительно и незаметно, что мы и оглянуться не успели, как остались позади рождественские хлопоты. А затем и вечера, проведённые возле рождественской ёлки, а также тихие тёплые дни в библиотеке возле согревающего ярким пламенем камина за обсуждением новых и полюбившихся ранее нам с Максом книг.

Мария – наша помощница по дому, немного полная темноволосая женщина, всегда строго и аккуратно одетая, но при этом, на мой взгляд, весьма добродушная и покладистая, однажды подавая нам с крёстной на стол во время ужина, спросила:

– А что, Макс уже уехал?

– Да, Мария, – ответила крёстная, тяжело при этом вздохнув.

– Вы знаете, – вдруг в задумчивости произнесла Мария. – Когда он ещё только прилетел, я была поражена, подумав,

что преодолеть такое расстояние – это ведь всё равно, что лететь с одной точки земного шара в другую. На что он мне ответил: «Я слишком много скучаю, Мария, для того чтобы не преодолеть это расстояние. Мне нужно надыхаться... на- слышаться и... насмотреться, чтобы, наконец, вместить в се- бя все эти ощущения, которые помогут мне выжить все эти годы там...»

Глава VIII

Прошёл год...

Спустившись однажды в гостиную, крёстная, как мне показалось, была чем-то сильно взволнована, потому как её до того всегда бледные щёки покрылись розовым румянцем, а глаза лихорадочно блестели. Не приседая в кресло, она прочитала нам с Марией телеграмму, которую только что принёс почтальон. Из нее мы узнали, что к нам приезжает одна гостья, давняя подруга крёстной, с которой они не виделись несколько долгих лет и которая собирается погостить у нас какое-то неопределённое время. На мгновение лицо крёстной осветилось задумчивой улыбкой, словно её посетили неожиданно нахлынувшие воспоминания давно минувших лет.

Начались приготовления к приезду этой женщины. В основном они легли на плечи Марии и крёстной, а когда настал тот день и незнакомка появилась в нашем холле, мы все, не скрою, испытывали лёгкое волнение. Но к нашему с Марией удивлению, мы увидели не то, что ожидали увидеть. Прямо с порога женщина начала жаловаться на несносную погоду, на скверное обслуживание такси, она критиковала всех и всё вокруг.

Это была эксцентричная и высокомерная женщина. Одежда она была элегантно и ярко, а стройная фигура, высокий

рост и прямая осанка придавали её походке особую важность и статность. Короткая стрижка чёрных волос и элегантная чёрная шляпа под цвет брючного костюма сводили её образ к даме из высшего общества. К её приезду крёстная приболела и выглядела бледно и устало, что не укрылось от её пристального взгляда, и она не замешкалась ей об этом сказать. Во время обеда гостья заметила, что наша помощница по дому Мария, никуда не годится. Что она абсолютно не внимательна к гостям и совершенно не умеет готовить. Я видела, что Марию сильно смутили и оскорбили слова гостьи, тем более что она говорила об этом во всеуслышание. После чего, обратив внимание на меня, она принялась разглядывать меня, что не замедлило вызвать у неё бурю новых впечатлений, а когда я, выйдя из-за стола, направилась к себе, она тут же принялась расспрашивать крёстную обо мне.

Удаляясь из гостиной, я слышала её громкий голос:

– А это кто? Что это за девочка? Расскажи мне о ней.

Через какое-то время я решила выйти в сад и, проходя мимо гостиной, снова услышала голос гостьи:

– Насколько я поняла из этой запутанной истории, ты удочерила эту девочку, точнее, взяла опеку над ней?

Её голос в этот момент звучал надменно и осуждающе.

– Не понимаю, зачем ты это сделала. Ты и так одна воспитываешь Макса, а тут ещё этот довесок... Да, нужно отдать должное твоему брату, насколько я поняла, он очень состоятелен и души не чает в своём единственном племяннике.

Это просто невероятное везение, что он отправил учиться Макса в Англию за свой счет, к тому же хочет сделать его своим приемником в бизнесе и вообще занимается его будущим. Это мне ещё понятно. Но зачем тебе эта девочка, совершенно чужой ребёнок? Тем более посмотри на себя, ты уже не молода, да и, как я вижу, не так здорова, как хотелось бы. Зачем тебе нести это бремя обязанностей, которые могут тебя саму свести в могилу?

Последние слова этой женщины глубоко задели меня, более того, они вызвали помрачение моего духа.

– Я считаю, что тебе не нужно было торопиться с этим решением, – закончила она. На что крёстная попыталась возразить ей, но та и слушать её не хотела. Я тяжело вздохнула, остановившись в это время на лестнице, и задумалась: но ведь это так. Кто я здесь? Я была и всегда буду чужой. Иногда мне казалось, что я вообще чужда этому миру, тем более что мои родители уже давно один за другим покинули этот мир, не задержавшись здесь надолго. Не понимаю, что всё ещё на этом свете делаю я?

Изо дня в день нападки этой взбалмошной и склочной женщины не прекращались, и каждый последующий день она всё больше отравляла нам жизнь.

Подавая как-то утром нам завтрак, Мария расставляла чашки на столе, от волнения неловко взмахнула рукавом и задела поднос с посудой, и он, опрокинувшись, упал на пол рядом с гостьей, обрызгав ей одежду. Её возмущению, ка-

залось, не будет конца. В бешенстве, как ошпаренная, она вскочила со стула и закричала:

– Ах ты, безрукая! Ты совсем не видишь, что творишь?

Мария вся покраснела, от волнения у неё задрожали руки.

– Извините... Я нечаянно. Я сейчас всё уберу, – пробормотала Мария еле слышно, на что та в ответ ещё больше набросилась на неё:

– Тут никакие извинения не помогут!

После чего, обратившись к крёстной, она воскликнула:

– Почему ты её не выгонишь? Как можно держать в доме такое? – бросив презрительный взгляд в сторону Марии, произнесла она.

– Но Мария, она... Думаю, это произошло от неловкости. Она давно в нашем доме и неплохая помощница, по крайней мере, всегда справлялась со своей работой. Просто она, по-видимому, была чем-то взволнована, – попыталась встать на сторону Марии крёстная.

– Наивная, неужели ты не видишь, кто окружает тебя здесь? Эта совершенно неумелая и неаккуратная домработница, да ещё этот ребёнок, что всё время молчит и испытывающее следит за всем происходящим в этом доме. Надо же, пригрела у себя на шее неизвестно кого. А когда она вырастет, что ты будешь делать? Неизвестно, что ещё вырастет. Не понимаю, зачем тебе всё это?

Женщина, по-видимому, забыла, что находится здесь не одна, а среди тех, кого сейчас так отчаянно и ненавистно ру-

гала. Крестная, тяжело вздохнув, с сожалением посмотрела на меня. В её глазах были горечь и стыд, и этот взгляд заставил меня положить конец всем этим мучительным разговорам обо мне и Марии. Сдержав слёзы, я выбежала из гостиной и бросилась куда глаза глядят, а когда пришла в себя, то увидела, что раздетая в одном лёгком платьишке и туфельках нахожусь на улице, в саду. Облокотившись на корявое большое дерево, я пыталась отдышаться, словно за мной гнались все демоны из преисподней. Холодное зимнее утро охватило меня зыбкой дрожью с головы до ног. Корявые голые ветки деревьев, покрытые сизым инеем изморози, отчаянно трепал зловещий ветер. Я стояла, словно тростинка на ветру. Мороз до костей пронизывал всё моё тело. С моих губ слетали отрывистые фразы:

– Зачем? Зачем я живу на этом свете? Ведь я никому не нужна. Никому. Самоуничужение душило меня настолько сильно, что я, возможно, простояла бы ещё не знаю сколько на морозе, как вскоре ко мне подбежали взволнованные Мария и крёстная, они с трудом оттащили меня от дерева, в которое я крепко вцепилась своими тонкими замерзшими пальцами, словно во что-то последнее в своей жизни.

Этой же ночью я проснулась от кошмара. Мне приснилось, что за мной гонится кто-то в чёрном длинном плаще и в капюшоне, закрытом так, что я не вижу его лица, а под моими ногами с нарастающей силой разверзается земля, и этот кто-то был всемогущим и зловещим. Сквозь ужас, охва-

тивший меня во сне, я с криком открыла глаза. Крестная, сидя возле меня, прикладывала к моему лбу холодной компресс. Мария, стоя рядом со скрещенными на груди руками и слегка наклонившись надо мной, печально всматриваясь в моё лицо, произнесла:

– Похоже, у неё сильный жар. Она бредит.

Я действительно пыталась что-то сказать, но пересохшие губы мешали мне это сделать. Мария прикоснулась рукой к моему лбу и тут же отпрянула от меня, воскликнув:

– Господи, да у неё все сорок. Нужно срочно вызывать врача.

Что-то тяжёлое и свербящее мою грудь с болью вырвалось наружу, после чего последовали сильные приступы кашля.

Я смутно помню, как меня осматривал врач, потому как у меня всё ещё был жар, и я всю ночь бредила. Вскоре выяснилось, что у меня воспаление лёгких, и меня положили в больницу.

Я долгое время не шла на поправку, возможно, потому, что отказывалась от лечения и почти ничего не ела. Меня охватило полное безразличие ко всему. Я только и делала, что подолгу и без конца смотрела в большое окно напротив моей кровати, в котором продолжала свирепствовать снежная буря, навевая на меня лишь ещё большую тоску.

– Кристина, девочка моя, тебе нужно лечиться. Так нельзя, – пыталась поговорить со мной крестная, каждый раз проходя ко мне и присаживаясь с краю на моей кровати. Я

видела, как её подзывает к себе мой лечащий врач, высокий пожилой мужчина с задумчивым взглядом тёмных глаз, сквозь позолоченную оправу очков он смотрел на меня строго и сурово.

Прошло уже две недели, а моё состояние не улучшалось, что вызывало беспокойство у всех.

Проснувшись однажды утром, я с трудом открыла глаза, почувствовав при этом какое-то странное, необъяснимое чувство. словно присутствие кого-то заставило меня повернуть голову в сторону двери, я ощущала на себе пристальный и долгий взгляд, и тут я замерла: в дверях стоял Макс. Он смотрел на меня тихо и строго. Я с трудом узнала его, так как он сильно изменился. Он возмужал, стал широк в плечах, это был уже не мальчик-подросток, а красивый молодой человек с умными синими глазами. Он подошёл ко мне и, сев возле меня на кровати, взял меня за руку. Его голос, слегка охрипший, звучал глубоко и проникновенно.

– Ну, здравствуй, Кристи. Расскажи мне, как ты тут? А также... почему ты не хочешь лечиться и вставать с постели? В чём причина такого поведения? На мгновение он замолчал, словно размышляя над чем-то, затем сказал:

– Впрочем, я догадываюсь, в чём тут дело. Но только... это всё напрасно и совершенно не стоит твоего душевного состояния. Поверь мне... Больше никто и никогда. Слышишь, никогда не посягнет на твой душевный покой. И вообще... как ты могла подумать, что ты можешь быть лишней, тем

более никому ненужной? Ума не приложу, как такое могло прийти тебе в голову, Крис?

Странное ощущение пронеслось по мне. Меня вдруг пронзила мысль о том, как он может настолько точно и глубоко чувствовать мои мысли и ощущать моё внутреннее состояние, так близко, как могу ощущать себя только я сама.

– И потом, – продолжал он. – Ты не можешь поступать так с теми, кто тебя... любит, – выдохнул он. – Думаю, что и твоей... маме тоже вряд ли понравилось бы то, что она сейчас увидела бы. Поверь, она всё... видит оттуда, – он указал взглядом наверх. При этих словах моя рука дрогнула, на что он ещё крепче сжал её. И чувствуя, по-видимому, моё нарастающее волнение, он решил уже перевести разговор на другую тему.

– Да, кстати, Кристи. Я тут пополнил нашу библиотеку новыми, на мой взгляд, довольно интересными книгами, заслуживающими, несомненно, твоего внимания, – сказал он, улыбнувшись. – Я обязательно принесу тебе, что-нибудь, договорились?

Я молча кивнула головой. В это время в палату зашёл мой лечащий врач. Он внимательно посмотрел на меня, затем перевёл взгляд на Макса. Макс, тут же поднявшись, направился к врачу, после чего они стали о чём-то долго и серьёзно беседовать.

Когда я, наконец, выздоровела и смогла вернуться домой, то Макса там уже не было. Как сказала мне Мария, он сно-

ва улетел в Англию. После болезни мне всё увиделось в другом свете. Наш дом, гостиная, холл, как ни странно, особенно моя комната показались мне ещё более уютными и светлыми. По-особенному радостно и с большей заботой меня встретили крестная и Мария. Во время чаепития, когда крестная удалилась по каким-то срочным делам, Мария рассказала мне откровенно о разговоре крёстной по телефону с Максом из Англии.

– Их разговор был каким-то нервным и длился долго. В тот момент они о чём-то упорно спорили, а когда хозяйка положила трубку, я заметила, как она, побледнев, присела за стол в гостиной и попросила у меня стакан воды. Помолчав немного, словно размышляя о чём-то, она сказала:

– Не понимаю, откуда он узнал?

– Что узнал? – не сдержав любопытство, спросила я. На что она подняла на меня странный взгляд задумчивых глаз:

– То, что Кристина серьёзно больна.

– Действительно, странно. Может ему кто-то сообщил? Но кто?

– Я вначале сделала такое же предположение, Мария.

– И что он вам на это ответил?

– Бред какой-то... Он сказал, что сам почувствовал это.

– Вы хотите сказать, что он на расстоянии от неё смог почувствовать, что она заболела?

– Вот именно, Мария. Он сказал: «Я чувствую, что с Кристи что-то случилось». А когда я подтвердила его догадки, он

сообщил мне, что немедленно вылетает первым же рейсом.

– А что вы? – спросила, не унимаясь, я. Сказала Мария.

– Я хотела его отговорить, сказав, что мы сами со всем справимся. Но он и слушать ничего не хотел.

– М-да. Прямо мистика какая-то, – сказала, поражённая всем услышанным я. Ответила Мария.

– Мария? – обратившись вдруг ко мне, всё ещё находясь в глубоком раздумье, сказала она. – А вам не кажется, что между Кристиной и Максом существует какая-то странная, необъяснимая связь?.. Иначе как он мог почувствовать на расстоянии всё, что с ней происходит?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Всё это очень странно, – сказала я.

– Вот и я о том же, Мария, – сказала, закончив, хозяйка.

То, что рассказала мне сейчас Мария, обескуражило меня. Я даже не знала, что сказать, и какое-то время молчала, потрясённая её рассказом. Размышляя про себя уже о том, как это возможно? Что это? Провидение свыше или какие-то неведомые силы иногда говорят с ним обо мне?

Глава IX

После окончания школы я твёрдо решила поступить в педагогический колледж и посвятить, таким образом, всю свою жизнь маленьким детям.

На мой выбор в какой-то степени повлияло и то обстоятельство, что моя мама тоже была педагогом. Я помню, как, побывав однажды у неё в классе на уроке, я увидела радостные, горящие светлым огоньком любознательности глаза маленьких детей. Нередко перед моими глазами возникали воспоминания о том, как она учила их писать, считать и читать, а поздними тихими вечерами, засиживаясь до полуночи, она проверяла детские тетрадки, склонившись над ними, как над чем-то важным в своей жизни, при этом её лицо озарялось особым лучезарным светом. Мои чувства и душевные порывы в этот момент, ни минуты не терзаясь и малейшими сомнениями, были страстно охвачены мечтой принести в этот мир что-то доброе, прекрасное и не ускользающее во времени. Мне отчаянно хотелось нести свет мысли, свет чувств и справедливого отношения к миру, пробуждая подобные чувства в детских, на мой взгляд, ещё чистых, как неисписанный дневник, сердцах. Дневник жизни – это как окно, по ту сторону которого находится ещё совершенно неведомый нашим чувствам и мыслям мир. Мир, который целиком и полностью захватывает наше сознание, после по-

знания которого в нас формируется своё восприятие этого мира, и у каждого человека оно своё, особенное.

Все последующие годы я посвятила изучению педагогических наук. Я не заметила, как быстро пролетело время.

И вот я уже учусь на последнем курсе педагогического колледжа.

Начало осени в ту пору выдалось особо благодатным. Природа, казалось, продолжала нас радужно баловать своим мягким теплом после жарко-томящего лета, стремительно уносившегося в призрачную даль.

Осеннее свежее утро, подёрнутое слабой дымкой тумана, переходило днём в яркое, овеванное лёгким ветерком солнце, а к вечеру – в свежую прохладу, возникающую в виде яркого заката на небе.

В один из таких осенних погожих дней в наш дом с утра стремительно ворвалась необычная новость, которая захватила всех и всё вокруг. И теперь весть о возвращении Макса не сходила с уст крёстной и Марии.

Мария в этот день, не переставая, хлопотала на кухне и по дому. Крестная следила за тем, чтобы к приезду Макса был готов соответствующий приём.

Я решила не метаться у них перед глазами, к тому же мне нужно было бежать в колледж, поэтому я, быстро собравшись, постаралась никем не замеченной ускользнуть из дома, чтобы не мешать их праздничным приготовлениям.

Весь день меня не покидало странное чувство волнения,

из-за этого на занятиях я была рассеянна и невнимательна, что не замедлило вызвать чувство удивления и непонимания у преподавателей. Наконец, когда этот тяжёлый для меня день закончился и вечером я вернулась домой, то мне показалась странной воцарившаяся неожиданно в доме тишина – это было для меня всё равно лучше, чем неугомонный шум и бесконечное веселье.

Я решила пройти в сад, мне хотелось хоть немного стряхнуть с себя усталость и тяготы сегодняшнего дня. Именно в саду, в его тихих благоухающих просторах я могла хоть как-то отдохнуть. Я медленным шагом направилась туда, в своё укромное место, что находилось в тени раскидистой ивы, где одиночно стояла вросшая уже от времени в землю скамейка, с неё открывался прекрасный вид на водоём, в котором, как в зеркале, отражалась вся природа вокруг. Я шла по узкой терновой дорожке, окружённой со всех сторон густо поросшими и источающими невероятно благоухающий тонкий аромат цветов роз, среди которых были чайные розы. Я остановилась, мимо этого куста я не могла пройти, потому как зарождающаяся в маленьком розовом бутоне жизнь начинала обретать новые формы. На какое-то мгновение моё дыхание замерло, мне почудилось, что бутон прямо на моих глазах начинает распускаться, и я склонилась над ним, слегка подавшись вперёд, чтобы внимательнее рассмотреть его, как тут я услышала шорох и обернулась. Передо мной стоял Макс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.